

Этот выпуск мы затеяли ещё в конце весны, чтобы тщательно подготовиться, сделать номер насыщенным и выпустить его дополнительным тиражом, адресованным на Донбасс и в зону боевых действий.

Девиз журнала «Поостри сердце мужеством» — строка из «Слова о полку Игореве», иллюстрация к которому венчает обложку.

В основе номера — проза, поэзия и публицистика. Здесь новое и избранное «Двины». Авторы — классики русской словесности, известные писатели наших дней и совсем молодые литераторы. Некоторые произведения написаны по заказу редактора и потому помечены знаком «Специально для «Двины».

Зачин выпуска — слово о русском слове, русском языке, дарованном русичам Божиим промыслом. Здесь отрывок из «Слова...», стихотворения русских классиков — Тургенева, Гумилёва, Ахматовой... Здесь же — наши современники: Анатолий Аврутин — стихами, Михаил Кильдяшов — словом публициста. Русский язык, несмотря на вековые невзгоды, выпавшие нашему народу, на гонения и травлю, сохранил сакральное, данное Господом начало. В отличие от английского, ставшего неким эсперанто, языком утилитарным. Не говоря уж об украинской мове, которая создана искусственным путём, дабы только оторвать близких славян от русского корня, и которую уже в XXI веке начали силой навязывать этническим русским, живущим на Донбассе.

Русь-Россия зрела и созидалась во враждебном окружении. Но если с восточными соседями удавалось замориться, то западные раз за разом продолжали вторгаться в русские пределы, посягая на наши отчины и дедины, дабы захватить их, а население извести или «онемечить». В номере даётся широкая панорама таких исторических событий.

Отсчёт ведётся с Куликовской битвы. Сплочённые призывом святителя Сергия Радонежского встали округ князя Дмитрия Донского русские полки, чтобы сразиться с инородцами — половцами, литовцами, генуэзцами... «На Куликово поле, — подчёркивает историк Лев Гумилёв, — пошли рати москвичей, владимирцев, суздальцев и т.д., а вернулась домой рать русских...».

Стойкую русскость, верность руско-сти являет здесь Валентин Устинов, чья

поэтика началась у нас, на Русском Севере. Речь о его поэме «Дикое поле». Это жёсткий сказ о великом запорожском казаке Серко, непреклонном в своей верности Православной вере и Русской земле. Свою СВО, тогдашнюю спецоперацию, пресекая предательство, атаман объясняет любовью к многострадальной русской отчине: «Но вела наши сабли не мечь — а любовь...».

И сам-друг Серко Тарас Бульба тут; бессмертный герой русского классика Николая Гоголя — как без него обойтись на историческом ристалище во имя Русской земли и Православной веры!

А следом в том же ряду — «Бородинская годовщина» Александра Пушкина. Двести лет тому назад явлено стихотворение, а будто сегодня. Те же враги из мировой своры, те же географические названия:

Куда отведем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Липана?
За кем останется Волынь?
За кем наследие Боедана?..

Для ополченцев и солдат СВО, людей по большей части молодых, иные страницы, надеемся, будут открытиями. Но самое главное, чтобы они почувствовали неразрывную связь поколений, чтобы осознали себя не просто участниками спецоперации, а наследниками русского ратного поля, которому тысяча лет; чтобы запала в их сердца гордость, что пришёл их черёд, что им выпала историческая честь стоять «за землю Русскую, за веру Православную», как прежде стояли их деды, прадеды и совсем далёкие пращуры; и враги у них, нынешних русских витязей, по сути, те же самые, что в 1941-1945 годах, в 1812-м, в начале XVIII и XVII веков, в 1380 и в 1241 годах...

Личины у наших врагов, былых и нынешних, разные, но суть их неизменна. Это лютая ненависть к России как хранительнице и оберегательнице традиционных человеческих ценностей и христианских заветов, которые Европа и весь западный мир растеряли или отринули. Тому посвящена статья Екатерины Липницкой «Русская звезда» Фёдора Тютчева», специально написанная для «Двины». Смысл её автор — кандидат филологических наук, преподаватель САФУ — подчёркивает подзаголовком: «Поэт и дипломат — о России и русофобии» и убедительно показывает прозорливость и дальновидность классика русской словесно-

сти. Окидывая дальнюю историю, Тютчев пишет в своём трактате «Россия и Европа»: «Западная Европа ещё не сложилась, а мы уже существовали, и существовали, без всякого сомнения, со славой...». То есть ставит зарвавшийся западный мир на своё место. А в вековой злобе Запада находит плюс: «Это, положительно, не без промысла. Нужна была эта, всё более явная, враждебность, чтобы заставить нас осознать себя...». Чем не посыл в XXI век, в день нынешний!

Слово беззаветного патриота России Тютчева подхватывают поэты-соплемен-

Михаил попов

Николай Рубцов, наш земляк.
Привет, Россия — родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к твоим овинам у жнивьей,
Любовь к тебе,

изба в лазурном поле...

И далее — как обрыв русского поля, обрыв русской песни. Это начинается раздел, посвящённый самой тяжкой для нашей державы войне — Великой Отечественной.

Первые бои, первые схватки с лютым врагом. Молодой лейтенант, ещё не нюхавший пороха, поднимает в атаку своих бойцов:

«Взводный бежал, взмахивая призывом наганом, однако не стреляя. Издалека стрелять не имело смысла. А когда они достигли вражеских позиций, когда увидели наконец немцев, у него не поднялась рука.

Я бежал с револьвером, но в сознании ни разу не возникла мысль выстрелить из него в живого человека. Так и не выстрелил ни разу. Может быть, не было возможности, но я не могу до сих пор понять,

почему не стрелял, цель-то была не одна, а много. Но не выстрелил».

Наука ненависти, вспоминают старые солдаты, давалась не сразу, тем более юношам, вчерашним отрокам. Так было и у Алексея Субботина, моего земляка, которому посвящён очерк «И! тогда пошли в рощу пахнущую...». Ненавистью к врагам его сердце опалилось после гибели ровесников, после тяжких ран, когда он метался в госпитальном беспамятстве между жизнью и смертью...

В этом разделе — стихи фронтовиков. «Я ранен двадцатого утром в атаке...» называется подборка. Здесь Фёдор Су-

хов, Юрий Белаш, Иосиф Уткин, Михаил Тимошенко, Александр Межиров, Григорий Поженян.

Продолжается публикация неведомого доселе романа северного писателя-фронтовика Николая Жернакова «Горелобские солдаты» — это заключительная часть его тетралогии «Краснотал». Война разбросала земляков, уроженцев деревни Горелый Бор, по всем фронтам — кого в пехоту, кого на Северный флот, кто мыкал долю в немецком плену... Очередная глава повествует о герое-моряке, который в бою совершил подвиг, но при этом потерял обе ноги...

К таким увечным в госпитальные палаты приходил с отеческим утешительным словом Борис Шергин, сказатель, песнопевец, светлая душа, беспрестанно молившийся за всех «на фронтах гибнущих юных». Отрывок из его дневников 43-го года публикует филолог Елена Галимова.

«Всё для фронта — всё для Победы!» — таким девизом жила страна в годы войны. Тыл и фронт были не разделимы. О том рассказ-быль «Гостинец на фронт» красноярского писателя Александра Щербак-ова, родившегося перед войной.

В этом же разделе идёт большой очерк «Литература — тоже фронт...». Подзаголовок поясняет, о ком и о чём здесь речь: «Фёдор Абрамов и Евгений Носов: русские повенники на передовой». В таком контексте тема это новая и ещё не исследованная. Автор публикации курянка Марина Маслова, филолог и литера-

тор, написала эту работу специально для спецномера «Двины».

Стихи Елены Кузьминой «Спасов лик осыпал знамёна...» своим сокровенным тоном и светлыми образами соединяют в небесном и земном пространстве русские времена — и давние, и нынешние:
Плат небесный взлетел высоко,
плещет тихой волной голубую.
Радость, радость моя! Так легко
прежде мы не прощались с тобою.
Поспешай! Погляди — веселась,
луч зари купола венчает.
Запоздалый отряд встречает
благочестивый Димитрий князь,

Обзор журнала «Двина» №4/2023

тех, которые возмogli
в день последний отстаивать право
славить Бога Русской земли.
Богу Русской земли — слава!

Послевоенное время — вторая половина XX века. Времени осмысления и время созидания. Времени открытий и великих строек. Его замечательно выразил Николай Заболоцкий, большой русский поэт. Несмотря на гонения и репрессии, вывавшие на его долю, он не потерял светлого отношения к жизни: «Нет в мире ничего прекрасней бытия». И потому убеждал:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Пик тех лет — это, безусловно, космический полёт Юрия Гагарина. Вся страна, весь Советский Союз ликовал в те дни. Исторические фотографии в «Двине» — тому подтверждением.

Но... Все ли даже тогда были в Советском Союзе «в едином порыве», как любил выражаться партийная пропаганда?

Тут мы подходим к самой болезненной теме, которую нельзя обойти вниманием — бандероизм, фашизация Украины, тому, что побудило Россию начать СВО. Этому в «Двине» посвящён целый раздел. В нём ёмко, но убедительно показано коварство, двурушничество Запада и наивность украинского народа, который стал заложником западных политиканов и их

приспешников — бандеровской верхушки, которая обманом и нахрапом захватила на Украине власть. Это полезно знать не только тем, кто сражается на переднем крае. Это надо помнить тем, кто, находясь далеко от передовой, морщится при упоминании СВО, дескать, это не по-христиански. У тех, кто годами обстреливал Донбасс, убивая детей, женщин, стариков, кто заживо сжигал людей в Одессе, кто своим детям вдалбливал, что «москаля треба вбити», — у этих людей нет христианской морали и, стало быть, они сами подписали себе приговор.

И — уже предметнее об этом разделе. «Кто затеял украинизацию Руси?». На это вопрос чётко отвечает статья публициста Александра Самсонова. Дальновидные люди предупреждали украинскую элиту, которую всё больше подминали под себя оголтелые западенцы, бандеровцы, в прошлом сечевики УПА, что до добра эта воляница не доведёт. «Киев без великой России немислим...» — остерегал преподобный старец Лаврентий Черниговский (эссе Матвея Славко). Но свора радикальных националистов гнула своё и неукротимым нахрапом, граничившим с безумием, рвалась к власти и «самостийности». И вот первый остерегающий колокол — Чернобыльская авария — расплата за разнузданную спесь и местечковую дремучесть. О том наш очерк «Жовто-блакитный пепел». Основа его — открытые документы КГБ, где представлены вопиющие нарушения всех и вся строительных норм и правил при закладке и сооружении Чернобыльской АЭС, точно это лепилась мазанка или свинарник где-нибудь на Полтавщине. Для меня это нацистское безумие — личная боль. В огне этого бандеровского Бухенвальда сгорела душа моего двоюродного брата Виктора — ликвидатора Чернобыльской аварии первого призыва.

Спецоперация, которую ведёт Россия, — это своеобразная работа над ошибками, допущенными в разные поры Советского Союза. Их осмысле-

«Володя, Верещагин — твой?» — обращает-ся ко мне в коридорах Союза писателей России первый секретарь правления Союза и известный поэт Игорь Иванович Ляпин (1941-2005). «Наш, — отвечаю, — из Эстонии...». «Ну, да, Прибалтика, — торопится куда-то Игорь Иванович из кабинета на втором этаже, где как раз заседал секретариат. — Приняли Верещагина в Союз сразу, по секции поэзии, после двух строк, что зачитали: «Стучат в сердечное окно пробитые гвоздями дланы...».

Не знаю почему, но каждый раз вспоминается этот короткий разговор с суровым Ляпиным в те тёплые летние дни 2003 года, ровно 20 лет назад, когда речь заходит о русском поэте Эстонии Геннадии Васильевиче Верещагине. Тогда мы приняли решение о приёме в СГР и его следовало утвердить на секретариате СГР (проживающие за пределами России принимаются отдельным решением секретариата). Стихотворные строки о «...пробитых гвоздями дланях», о руках Христовых, тепло укрывающих сердце человека, привели в ходатайстве о приёме Геннадия в наше писательское сообщество. Уже через год после нашего знакомства и без тени сомнения...

Игоря Ляпина давно нет с нами, и на его посту уже многие годы трудится достойный восприемник, не менее известный поэт Геннадий Викторович Иванов. Минувшее для людей нашего поколения — общее. В советском прошлом Прибалтика воспринималась как нечто единое, общее, из какой республики приехал, было неважно... В общем, Прибалтика, там то ли Рига столица в Эстонии, то ли Таллин в Латвии. Нет, такие оговорки были признаком не пренебрежения, а восприятия одного культурно-исторического региона, как целостного явления, в огромной стране с множеством народов, языков, культур, верований, обычаев, традиций, литератур и в составе целой отдельной цивилизационной системы, связавшей части свои тысячами

На творческом вечере Геннадия Верещагина

многовековых и даже тысячелетних невидимых нитей. Прибалтика не составляла и не составляла исключения в этой системе, именуемой историсофами и геополитиками по разному: кто географически «восточно-европейской», кто «русско-славянской», по ядру-этносу с его государственнообразующей ролью, и по мировоззренческой основе — христианской вере греческой традиции, а ныне, с первой половины XX века, «евразийской»

(Н.Трубецкой), что, пожалуй, точнее всего... Прибалтика всё же находится на Русской равнине, а не на центральноевропейской.

Сказанное в связи с поэтом Геннадием Верещагиным не пустые слова. Это — целые жизни, это — судьба многих моих современников и таковым мы воспринимаем этнокультурное пространство, в котором живём, до сих пор. И именно такие ощущения восприятия прошлого, как единого целого в течение тысяч прошедших лет и предвосхищения будущего, в котором сохранится созданное нашими людьми доброе начало, довлеют в наших душах, представлении, образах.

Геннадий Верещагин родился в последний год послевоенного десятилетия (3 октября 1955) после невероятно разрушительной и кровопролитной войны, унесшей десятки миллионов жизней наших народов, разрушившей слой многовековой материальной культуры. Родился он в городе Донцке, на Донбассе, там, где сейчас идут кровавые братоубийственные бои.

Как в Великую Отечественную, так и в нынешние сражения все эти несчастья, невзгоды, горе пришли с «запада», от мира германского, наследовавшего хищнические вавилонско-карфагенские «ценности» наживы, насилия и расизма через остатки Второй римской республики в её западных провинциях. Ненависть к славянам, остановившим их экспансию господства на восток, далеко не объясняет причины их мотивов. Ненависть тлеет

с тех времён, когда именно славяне оказались истинными преемниками древней малоазийско-средиземноморской античной культуры, получившей развитие в первой христианской империи — Римской святого Константина и в его Царьграде-Константинополе. Именно она, эта империя, дала начало и стала основой всей современной европейской истории. Основы римского права создавались не в итальянском Риме, тогда совершенно

«Пробитые»

О Геннадии

упадническим, как современный город-призрак Детройт в Америке, а в великопопном, блистательном малоазийском Константинополе императором Юстинианом («Кодекс Юстиниана»). Зависть по поводу первородства (славяне намного раньше жили в Европе), зависть за сохранение в чистоте именно у нас духовного наследия изначальной христианской веры и её высочайших идеалов, за необходимость духа и меча со шитом, не раз защищавшим от казалося бы неминуемой гибели, за дружелюбие и умение жить в согласии с многочисленными другими народами, даже расами и с верочужеными, если они человеколюбивы, готовность бескорыстно помочь попавшим в беду...

«А они стоят, опять стоят и не погибают» — вот, что бесит недоброжелателей, так алкающих мирового господства.

Куда бы ни заносила русского писателя и поэта фортуна, везде сохранялась в душе мировоззренческая основа, в которой вера занимает не последнее место с её универсальной системой нравственных ценностей, принимаемых также и неверующими людьми. Мировоззрение — не политика и не идеология, и не вероисповедание, оно намного шире, глубже. В его природе лежат мистические сущности, метафизика бытия в куда большей мере, нежели предполагает наше сугубо рациональное мышление. Христос принёс нам Новый Завет — любовь. И тот, кто изберёт Христа — тот и «богизбран» вопреки «богизбранной» исключительности самого себя, что стало основой «западной» ментальности с её кальвинистскими ветхозаветными претензиями на господство и «теологический предопределения». Это лежит в основе культурно-исторического архетипа русского народа, будь это Карпаты, Урал или Камчатка, Прибалтика, Поморье или Азов и Великая Степь...

Богородица особо любима русским народом, Родина у нас — Мать, земля — Матушка... Геннадия воспитала тётка, которую он называет матерью и любит её как память о матери. Там сложилась судьба. Нет в его сердце равнодушие ни к Отечеству,

Этот третий роман задуманной автором тетралогии из цикла «Наследники».

Мне уже приходилось писать о первых двух книгах — романах «Молодые» и «Невеста». В первую очередь они привлекали новизной поднятой темы, до того, как мне кажется, совсем не разработанной в современной русской литературе. Я соглашусь, что тому есть объективные причины: у молодых писателей постсоветского периода не было того социального опыта, а в первую очередь, опыта духовных поисков, которые пережили молодые люди позднего советского периода, когда набившие оскомину партийные лозунги уже не воспринимались как достоверные, а путь возвращения к истинным духовным ценностям, сохранённым для них многими поколениями предков, ещё только намечался.

Роман «Причастие» продолжает судьбу героев, заявленных в предыдущих книгах тетралогии.

На этот раз перед читателем не только семейная драма, но и «возвращение блудного сына», о чем говорит эпиграф к роману: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня». Эти слова более двух тысяч лет назад были обращены к ревностному гонителю первых христиан Савлу по пути в Дамаск, куда тот направлялся для той же цели. Этими словами Сын Божий остановил безумие Савла, который после крещения избавился не только от телесной, но и духовной слепоты, и стал называться апостолом Павлом.

Время действия в «Причастии» 1982-1985 годы. Хочу заметить, что Владимир Чугунов из тех писателей, для которых в большей степени важна не фабрика повествования, а то, что происходит с духовным миром героев. Это вовсе не значит, что автор небрежен в разработке внешней канвы повествования. Напротив, сюжеты романов и повестей разрабатываются и продумываются Чугуновым до мельчайших деталей. Это даёт читателю ощущение полной реальности, в которую он погружается и которой безоговорочно верит. Однако за внешними событиями, какими бы драматичными, стремительными и запутанными они ни были, ощущается острота происходящих в душе героев сомнений, переживаний, переоценки, влияющих на то, что происходит во внешней жизни чаще всего молодых людей.

С первого же абзаца автор погружает читателя в самый критический момент семейных отношений, когда Павел Тарасов «на письменном столе, рядом с портативной пишущей машинкой «Унис», удачно приобретённой в последней сессии в Мо-

скве, обнаружил записку — на машинописном листе рукою жены крупными буквами с подчёркнутой старательностью было выведено красным карандашом: «Я тебя ненавижу!!!».

И сразу навалилось...». Далее подробно, с художественной достоверностью разворачивается картина семейных отношений, начиная с того момента, чем заканчивается предыдущий роман «Невеста».

Шаг за шагом автор погружает читателя не только в походження «блудного сына», но и в ту ненависть к Христовой Церкви, которая, по мнению Павла, никакого отношения к высшей правде не имеет. Всё сошлось к одному: и падение за падением, и мучительные переживания и сомнения, связанные с прикосновением к двум «невестам»: Пашеньке Ипаревой и симонахине Олимпиаде. Первые попытки к разладу отношений начались ещё до свадьбы, и причиной тому была не Настя, а «ревность не по разуму» Тарасова. Сначала Настя «нечаянно» улыбулась идущему им с Павлом навстречу парню, после чего вышла неприятнейшая для них обоих история, а потом ещё и ещё... В этот момент как раз и случается вторая встреча с Полиной (обе в романе «Невеста») на школьном вечере выпускников. И хотя между ними ничего не происходит, судя по тому, что Павел переживает, видно — сердечная заноза опять начинает кровоточить. И происходит это в то время, когда семейная жизнь Павла с каждым днём становится всё хуже и хуже.

В романе «Причастие» описывается встреча на свадьбе, где гуляла вся родня Полины, поскольку женился её младший брат Гоголь. Тогда Павел в пьяном виде сказал матери Полины:

«— Сломали вы, Клавдия Семёновна, всю мою жизнь.

Она искося на него через могучее плечо глянула.

— А не сам?

— И сам. Не спорю. Но и вы постарались. Это надо! Столько времени прошло, а я всё успокоиться не могу. Пока не вижу её, вроде ничего, а как увижу, всего наизнанку выворачивает. Да и она, кстати, меня до сих пор любит.

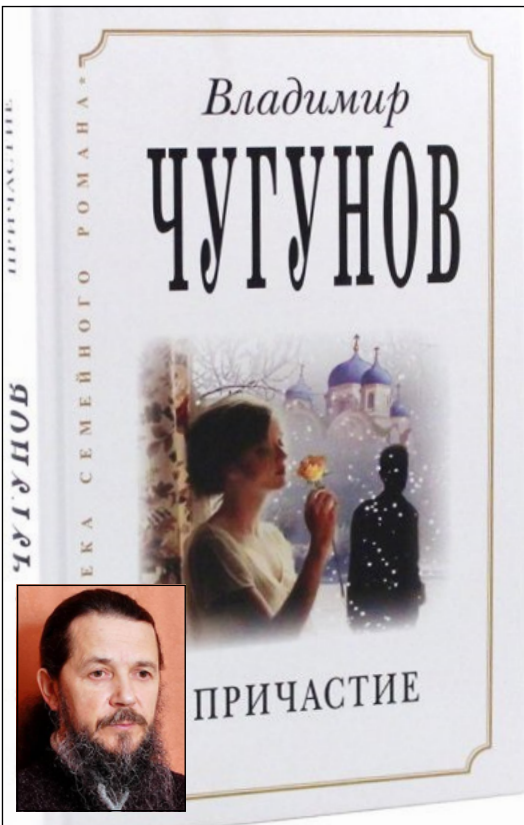
— Её же чего! У неё муж!

— А хотите на спор? Мужа своего она бросит и будет со мной жить. Хотите?

— Вот болтун, а! Ну и болту-ун!

— Не верите?

— Иди давай, иди, занимайся своим делом! Иди-иди и не зли меня лужицей».

Тогда-то Павел незаметно и передал Полине записку. И начался их тайные встречи в гостинице. Но длилось это недолго. У обоих были дети. И хотя Павел готов был бросить семью, Полина всё-таки в очередной раз решила испытать его чувства. Она перестала с ним встречаться. В это время на Павла начинают сваливаться одно искушение за другим: на сессии («с дагестанской княжной»), второй раз — на танцах, потом в «Доме ученых» с бывшей школьницей, и наконец, происходит то, что становится началом семейной драмы и последующим окончательным разрывом с Полиной.

Настя бежит с дочерью к своим родителям в Горюховец после новогоднего вечера, во время которого происходит первое падение Павла, если не считать связи с Полиной. А далее всё, как снежный ком, одно за другим затягивает Тарасова в гибельную воронку, из которой он поначалу и не пытаясь выбраться. Но случайная плотская связь после

Трудный путь к свету

О романе «Причастие» Владимира Чугунова

танцев с «девицей» обрушивается на него тяжелейшими переживаниями, напомнимшими о том, что произошло несколько лет назад с барабаником их ансамбля. Об этом Павел написал рассказ, который отметил руководитель литературного объединения. Павел нашёл в архиве рукопись, принеся её в пожарный пункт, в котором был на очередном дежурстве, сел в кабину машины читать.

Чтение рассказа заставило обо всём серьёзно задуматься. У Павла мелькнула мысль, «может, и вправду после дежурства махнуть с мировой?». Но вспомнив, как лупила Настя ему назло дочь, как ударил он жену, как всю дорогу до дома и потом, когда и не спала, она молчала. Представил, как собирала чемодан, писала записку, и прежняя злоба опять поднялась в нём. Нет, ехать пока рано.

Со следующей недели на него, как нарочно, посыпались беда за бедой.

Отклонение очерка о старателях в столичном журнале «Юность» и в областной газете «Ленинская смена», последняя встреча с Полиной...

Полина прислала-таки «весточку». Они увиделись. Разговор закончился тем, что в их до неприличия затянувшейся истории любви была поставлена «жирная точка». И это для Павла оказалось самым тяжёлым.

Однако вместо того, чтобы ехать мириться с женой, Тарасов бежит от навалившихся проблем к старателям в Белогорье. Но всё только усугубляет с этой поездкой.

«А затем потекли дни один томительнее другого. Во всём огромном артельном бараке, кроме Павла, не было ни души. И все дни напролёт он читал» книги, которые брал из библиотеки по институтской программе, а затем взял за дореволюционное здание «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского, своего литературного кумира, который захватил с собою в дорогу.

Три рассказа («Мальчик у Христа на ёлке», «Сон смешного человека» и «Кроткая») вызвали в душе Павла впервые переживаемое им чувство вины перед Богом. И Павел принимает судьбоносное решение:

«Так вот же из этой ямы!.. Всё, хватит, без оглядки, к свету! Несмотря на суматошный отъезд, план

был намечен. Не к жене он едет, нет, нельзя туда было ехать с тем, что угнетало его, а — к Другу». Под «Другом» подразумевается не только дякдон Симонов, но и Тот, Кто сказал перед тем, как идти на крест: «Отныне вы Мои друзья».

Так перед читателем появляется уже не «Савл», а «Павел»!

Однако этому «новому Павлу» предстоит не менее длительный и мучительный путь возвращения в лоно Матери-Церкви, о чём с художественной достоверностью изображено в романе. На этом пути, как и на пути апостола Павла, героя романа преследуют искушения: тяжелое заболевание, которое Павел принимает как наказание за свои грехи и впервые относится к болезни с христианским спокойствием и верой; чтение Нового завета, которым набил его дякдон Пётр. А до чтения Нового завета — первая исповедь, а перед ней — чтение Номоканона, потрясшего душу сознанием неискупимой вины, которую поначалу отводит Павла от причастия. Ещё одним испытанием становится чтение Апокалипсиса, затем статьи Анны Ахматовой о «Каменном госте» А.С. Пушкина. Павел понимает — меч возмездия над ним, как над Дон Жуаном и князем за утопившуюся дочь мельника из «Русалки», занесен.

Всё следует одно за другим в определенной, как будто кем-то специально организованной последовательности. К той «специальной организованной последовательности» стоит отнести и то обстоятельство, что Павел попадает к особенно-му врачу, женщине, которая говорит ему: болезнь надо врачевать ещё и на духовном уровне.

Благодаря особенному лечению буквально через месяц Павел идёт на поправку. Надо бы ехать мириться с женой, но тут подходит время сессии, во время которой на Павла сваливается очередное испытание. Накануне причастия во время встречи с ночным сторожем бывшего «Морозовского особняка» (Иннокентием Барламовым), Павел до того наслушался «о нашем стареньком добреньком православии», что даже подумал: может быть, вообще не ехать завтра в Троице-Сергиеву Лавру на службу? Но ехать всё-таки пришлось, поскольку именно Павел был инициатором этой поездки, и